

КНИГА ВТОРАЯ

1. С наступлением весны военные силы собирались там, где было им назначено. Нарзес же приказал как можно больше обучать их военному делу и укреплять их дух ежедневными упражнениями, принуждая их бегать и в порядке вскакивать на лошадях, кружиться в пиррихе, некоем военном танце,[28] и быстро при звуке трубы издавать военный клич, чтобы они, живя безопасно на зимовке, не отвыкли совершенно от войны, а затем не ослабели и в самой битве. В это время варвары медленно продвигались [вперед] и на своем пути все грабили и опустошали. Далеко обойдя город Рим и всю его округу, они двигались дальше, направо имея Тирренское море, а налево перед ними расстилались скалистые берега Ионического залива. Когда же они пришли в Самниум - так называется страна, то там разделились на два отряда. Бутилин с большим сильнейшим войском отправился к Тирренскому побережью, опустошил большую часть Кампании, вступил в Луканию, а затем вторгся в Бруттиум и дошел до самого пролива, который разделяет остров Сицилию и Италию. На долю же Левтариса, ведущего остальное войско, выпало разграбление Апулии и Калабрии. Дошел он до города Гидрунта, который расположен у побережья Адриатического моря, откуда начинается Ионический залив. И те, кто были природными франками, проявляли большое почтение и благочестие по отношению к святыне, так как, я уже сказал, они имели правильное представление о божестве и почитали те же святыни, что и римляне. Все же алеманнское племя - у него другие верования - грабило храмы беспощадно и лишало украшений, похищая священные сосуды, многие золотые кропильницы, кубки и сосуды для хранения благовонных курений и все, предназначенное для совершения священных таинств, превращало в собственное имущество. Но им и этого было не достаточно. Они разрушали крыши священных храмов и подрывали основания. Кровью орошали святыни и оскверняли посевы, так как везде были разбросаны непогребенные трупы. Но немного спустя их постигло возмездие. Одни погибли на войне, другие от болезни, и никто не осуществил своих надежд. Несправедливость и пренебрежение к богу всегда пагубны и должны быть избегаемы, особенно же во время войн и сражений. Ибо защищать отечество и отечественные учреждения, противиться стремлениям их разрушить, всеми силами отражать врагов - справедливо и высоко благородно. А те, кто ради наживы и безрассудной ненависти, без всякой разумной причины, нападают на соплеменников, обижают тех, от кого они сами не получали никакой обиды, то поистине безумны и преступны, не знают правды и не боятся мщения божества. Поэтому их ожидает великое возмездие. Предприятия их кончаются полными, непоправимыми катастрофами, если даже некоторое время они и кажутся преуспевающими. Так было и с варварами Левтариса и Бутилина.

2. Когда совершились эти дела и собрано было много добычи, уже прошла весна и наступило летнее время, Левтарис, один из вождей, желал возвратиться домой и использовать [награбленное] богатство. Поэтому послал к брату

гонцов сказать, чтобы и он как можно скорее возвращался назад, распрощавшись с войной и превратностями судьбы. Бутилин, однако, даже клятвой обязался готам, что он будет воевать с ними против римлян, и потому они его чтили и даже обещали выбрать своим королем. Он решил, что нужно оставаться и условленное довести до конца. Итак, он остался и приготавлился к войне. Левтарис же со своим ополчением немедленно отправился обратно с тем намерением, что, когда он безопаснейшим образом вывезет добычу и вернется домой, тотчас же пошлет войско обратно предохранить его от опасности. Но ему не пришлось осуществить задуманное и брату он также совершенно не мог оказать помощи. Когда он возвращался домой, завершая обратный путь, до страны Пиценума нигде не было встречено сопро-

тивления. Когда он пришел туда, то расположился лагерем у города Фана и по обыкновению выслал немедленно разведчиков и наблюдателей до трех тысяч человек, которые должны были разведать не только дальнейший путь, но и отразить врагов, если бы те где-нибудь появились. Артабан же и Улдах-гунн вместе с римским и гуннским войсками оказались в сборе в городе Пизавре и расставили засады в проходе. Заметив разведчиков на самом побережье Ионического залива и их продвижение по побережью, они вышли из города и набросились всеми силами на них, прекрасно построившись, и многих убили, изрубив мечами. Некоторые [из алеманнов], взобравшись на обрывистые вершины побережья, а затем сброшенные с покатости, стремительно падали в море и погибали, уносимые шумящими волнами. Морской берег здесь поднимается и образует как бы холм, не во всех частях проходимый и доступный, который для тех, кто поднялся на его вершину, отнюдь не представляет легкого спуска, но большей частью является скользким, обрывистым и наклонным к скалистому берегу. Другие, увидев множество так погибающих, естественно, обратились в беспорядочное бегство и, с громким криком и воем добравшись до своего войска, наполнили все шумом и смятением, как будто римляне уже ворвались [в лагерь]. Левтарис, приготавливаясь к сражению, поднял войско, и, тотчас схватив оружие, франки построились в огромную и растянутую в длину фалангу. Когда они так стояли и ничего другого им не приходило в голову в данный момент, большинство пленных, оставленных без охраны, воспользовались должным образом бездеятельностью неприятелей. Они быстро разбежались по ближайшим крепостям и из добычи, сколько было возможно, захватили.

3. Так как Артабан и Улдах считали, что они недостаточно сильны и не двинули войск вперед, то и франки вышли из боевого строя, вернулись обратно и, осмотревшись, увидели, как много они потеряли. Чтобы не испытать другого бедствия показалось им наилучшим, выступив как можно скорее из города Фана, продолжать путь. Тотчас же они и выступили, оставив справа Ионический залив и весь приморский песчаный берег. Они направились к подошве Аппенинских гор. И так, идя прямо к Эмилии и Коттийским Альпам, с трудом перешли Над. Заняв страну венетов, они сделали остановку в городе Кенета, им подвластном, ока-

завшись здесь в безопасности. Там они скорбели, испытывали недовольство и их охватила величайшая печаль. Причина заключалась в том, что у них осталась слишком незначительная часть добычи, и казалось, что они претерпели напрасный и бесполезный труд. Однако этим не закончились их несчастья. Немного спустя вспыхнувшая болезнь - чума - истребила множество [людей]. Одни считали, что плохой воздух является причиной этой болезни; другие полагали, что, пройдя длинный путь в обстановке непрерывных военных действий, они внезапно перешли к изнеженному образу жизни и причиной считали перемену обстановки. Истинную же и основную причину бедствий они совершенно не понимали. Она же заключалась, как я думаю, в их несправедливости и в том, что они бесчеловечно надругались над божескими и человеческими законами. Сам вождь представил яркое доказательство, что его постигла божественная кара. Он оказался помешанным и бесновался открыто, как безумный и одержимый. Он находился в непрерывном движении, испуская тяжелые вопли. То он падал на землю головой ниц, то на один, то на другой бок, выпуская изо рта обильную пену. Глаза стали страшными и отвратительным образом перекошенными. Несчастный дошел до такого безумия, что не удержался от кусания собственных членов. Кусал зубами руки и, разрывая тело, пожирал его наподобие животного, проливая кровь. Таким образом, пожирая себя и понемногу слабея, он погиб жалким образом. Умерли во множестве и прочие. Эпидемия отнюдь не уменьшалась, пока не погибли все.. Но огромное большинство, мучимое горячкой, погибало в здравом уме. Некоторые были сильно разбиты параличом, другие страдали от головной боли, третьи от сумасшествия. Разнообразны были посланные им болезни, но все они вели к смерти.

Такой гибельный конец имел поход Левтариса и тех, кто за ним следовал.[29]

4. Пока это происходило в Венеции, Бутилин, другой вождь, опустошив почти все городки и укрепления до Сицилийского пролива, немедленно начал обратный поход быстрее переходами прямо на Кампанию и Рим. Ибо он услышал, что Нарзес и многочисленные императорские войска собираются там. Он решил не медлить и не странствовать дольше, но, выстроившись всем войском походным порядком, рискнуть покончить все сразу, так как отнюдь не малая часть и его войска была поражена эпидемией и погибла.

Так как лето кончилось и начиналась осень, виноградники были отягчены плодами. Они же за недостатком другого продовольствия (мудрой предусмотрительностью Нарзеса все было уничтожено), срывая виноградные гроздья и выдавливая руками сок, наполняли себя перебродившим вином, собственноручно изготавливая вино с приятным запахом. Через это они страдали от сильного расстройства желудка, и часть их умерла немедленно. Были, однако, и выжившие. Прежде чем болезнь охватила всех, решили дать сражение во что бы то ни стало. Поэтому, придя в Кампанию, он [Бутилин] расположился лагерем недалеко от города Канун на берегах реки Касулина.[30] Она берет начало в Аппенин-

ских горах и, извиваясь по тамошним равнинам, впадает в Тирренское море. Разместив там войско, он окружает его сильным валом, полагаясь на природу местности. Река, протекая от него справа, казалось, служила вместо укрепления, чтобы кто-нибудь не напал с той стороны. Затем он соединил друг с другом рядами колеса повозок, которые он во множестве вез с собой, прикрепил к земле, засыпав землей до ступиц, так что возвышались и были видны только верхние полукружия. Окружив все войско этими и другими деревянными заграждениями, он оставил один не очень широкий выход, свободный от заграждений, чтобы этим путем при желании можно было совершать вылазки против неприятелей и возвращаться. А чтобы не остался без охраны мост через реку и не потерпеть через это какого-нибудь вреда, он его заблаговременно занял, построив там деревянную башню, и поместил на ней самых боевых, насколько это было возможно, и хорошо вооруженных людей, чтобы они его [мост] защищали из безопасного места и мешали попыткам переправы со стороны римлян. Устроив так все, он полагал, что все требуемые обстановкой приготовления им сделаны, как будто от кого зависело начать битву и как будто сражение обязательно начнется не раньше, чем он этого пожелает. Он еще не знал случившегося с братом в Венеции, хотя удивлялся, что тот не посылает ему войска согласно договоренности, хотя и подозревал, что тот не медлил бы так долго, если бы с ним не случилось какого-нибудь крупного несчастья. Тем не менее он считал, что и без него он одержит победу над неприятелем, намного превосходя его численностью. Оставшееся у него войско исчислялось больше чем в тридцать тысяч вооруженных людей. Римские же силы с трудом в тот момент доходили до восемнадцати тысяч.

5. Поэтому и сам он имел прекрасное настроение и всему войску объявил, что в предстоящем сражении будут решаться немаловажные дела, но «или будем обладать Италией, ради чего и пришли, или же бесславно умрем. Мы, благородные мужи, должны желать, конечно, первого, а не второго, так как от нас зависит, если мы окажемся храбрыми в сражении, получить все, чего желаем». Бутилин не переставал ободрять массу этими и подобными словами. Они же [воины Бутилина] преисполнились надеждой и приготавливали оружие, как каждому хотелось. Таким образом, точилось множество секир, а также домашние копья - ангоны; в другом месте поправлялись поломанные щиты, чтобы они снова годны были к употреблению, и приготовления шли успешно. Ибо вооружение у этого народа простое и не нуждается в многочисленных ремесленниках, но, я думаю, нужное может быть легко приготовлено всяким, если что-нибудь будет поломано.

Они не знают панцирей и поножей. Большинство [из них] не защищают головы. Немногие сражаются, надевая шлемы.

С голой грудью и спиной, они ходят только в штанах, льняных или кожаных. Лошадьми не пользуются, за исключением весьма немногих; зато они хорошо обучены искусству пешего боя, которое для них привычно и передается по наследству.

Меч у них висит на бедре, а щит с левой стороны. Они пользуются не луками, стрелами и другими метательными орудиями, а обоюдоострыми секирами и ангонами, которые особенно часто употребляют. Ангоны - это копья не очень маленькие, но и не очень большие, которые можно метать, если понадобится, а также применять в рукопашном бою, начиная наступление. У них большая часть обложена железом со всех сторон, так что внизу видна только ничтожная часть дерева, из железа почти весь наконечник копья. Выше же оконечности копья выдвигаются с каждой стороны кривые острия, как крючки удочки, загнутые вниз. В сражении обычно франкский воин бросает этот ангон и, если попадает в тело, то острие, естественно, проникает внутрь; тогда ни сам раненый и никто другой не может легко вытащить копье. Мешают острия, проникшие внутрь тела и причиняющие жестокую боль, так что если неприятель получает даже не смертельную рану, то он все же погибает от нее. Если же попадает в щит, то повисает на нем и болтается, верхней своей частью тащась по земле, и, пораженный, не может ни вытащить копье из-за засевших в щите остриев. ни отрубить мечом, так как ему не достать дерева из-за прикрывающих его железных полос. Когда же франк это увидит, то он выдвигает ногу и наступает на конец копья и оттягивает щит вниз так, что утомляется рука несущего щит и обнажается его голова и грудь. Когда же увидит его не защищенным, то легко убивает или поражая секирой голову, или пронзая гортань.

Таково у франков вооружение, так они готовятся к сражениям.

6. Когда Нарзес узнал об этом, то римский полководец тотчас вывел все войско из Рима, разбил лагерь недалеко от врагов, откуда можно было слышать все и рассматривать укрепления. Когда таким образом оба войска могли видеть друг друга, начались с обеих сторон построения войск в боевом порядке, расстановка караулов, бодрствование и смотр воинских рядов полководцами. Надежда и страх, различные перемены настроения и всякие неожиданные страсти, которые могут появиться у готовящихся к решительному сражению, поочередно охватывали то одних, то других. Все италийские города находились в волнении и колебались, не зная, к какой стороне примкнуть. В то же время франки грабили и открыто вывозили из них продовольствие. Когда Нарзес это заметил, он решил, что это его бесчестит, и негодовал, что у фуражиров врагов есть возможность так свободно разъезжать по ближайшей местности, как будто они не видят никакого врага. Он решил в дальнейшем не позволять этого и препятствовать всеми силами. Харангис, родом из Армении, являлся римским таксиархом, был чрезвычайно храбр и благоразумен и, когда нужно, охотно шел на опасности. Этому Харангису (его палатка разбита была на краю лагеря, очень близко к неприятелю) Нарзес приказывает напасть на водителей повозок и причинить им вред, какой только сможет, чтобы они никогда больше не осмеливались перевозить сено.

Тот немедленно повел за собой немногих всадников из своего отряда, захватил все повозки, а возчиков убил. Одну же из них, нагруженную сухим деревенским сеном, подвозит к башне, которую франки выстроили на мосту, как мною указано раньше, и, придвинув к ней повозку, бросает огонь в сено. Когда поднялось внезапно огромное пламя, вся башня, построенная из дерева, легко загорелась. Поставленные же на карауле люди из варваров, так как не только не могли защищаться, но и сами подвергались опасности сгореть, решили бросить мост и, с трудом выбравшись оттуда, убежали к своему войску. Римляне же овладели мостом. Когда это случилось, франков тотчас, естественно, охватило смятение и они схватились за оружие. Кипя от гнева и неистовствуя, они не могли сдержать себя, но стали чрезмерно смелыми и дерзкими, решив, что больше нельзя оставаться бездеятельными и медлить, а нужно тотчас же вступить в сражение, хотя алеманнскими прорицателями им было сказано, что не должно в этот день вступать в сражение, в противном случае пусть знают, что они все погибнут без остатка. Я же думаю так, что если бы битва произошла на следующий день или позднее, то они потерпели бы то же, что случилось с ними в тот день. Перемена дня не помогла бы им избежать возмездия за свое безбожие. Произошло ли это так или действительно алеманнские предсказатели каким-то способом проведали будущее, как бы то ни было, это для многих оказалось не пустым и не напрасным. Мною позже будет рассказано подробно все происшедшее, насколько это в моих силах.

7. Итак, народ франков был охвачен воинственным порывом и уже взялся за оружие. Нарзес также вооружил римлян и вывел из лагеря на середину между двумя лагерями, где нужно было их построить в фалангу. Во время движения войска, когда стратиг сел на коня, ему объявили, что некий герул, не из рядовых и неизвестных, но очень знатный, умертвил жестоко одного из своих служителей за какое-то упущение. Тотчас, сдержав поводьями коня, он приказал вывести убийцу на середину, считая неблагочестивым вступать в сражение, прежде чем преступление не будет наказано и искуплено. Допрошенный им варвар признался в своем преступлении. Он не только не заперся, но, наоборот, говорил, что позволено господам делать со своими рабами, что они пожелают, чтобы и другие знали, что они получают то же, если не будут выполнять свои обязанности. Он не только не раскаивался в своем преступлении, но был дерзок и заносчив и, казалось, даже гордился этим. Нарзес приказал оруженосцам умертвить этого человека. И он умер, пораженный мечом в пах. Толпа же герулов, как свойственно варварам, была обижена, негодовала и решила воздержаться от сражения. Нарзес же, искупив таким образом скверну преступления и мало заботясь о герулах, двинулся в расположение войска и объявил во всеуслышание, что кто желает быть участником победы, пусть следует за ним. Так он был уверен в божьей помощи, что спешил на дело, как бы уже предрешенное. Синдуал же, вождь герулов, считал позорным и неблагородным, если он и его отряд будут обвинены в дезертирстве, когда завязывается такое сражение. Они покажутся тогда как бы напуганными врагом и распо-

ложение к умершему выставляющими только как предлог и прикрытие своей трусости. Не вынося бездеятельности, он предложил Нарзесу оставаться на месте, так как сам скоро придет со своими. Нарзес ответил, что оставаться нельзя, но он позаботится, чтобы и они нашли свое место в строю, хотя и придут немного позже. Итак, герулы, хорошо вооруженные, двинулись медленно и в порядке.

8. Нарзес же, дойдя до места, где должно было произойти сражение, тотчас выстроил и расположил войско в фалангу. Всадники были расставлены по краям с обеих сторон, вооруженные копьями и легкими щитами, мечами и луками, некоторые имели сариссы. Сам же он стоял на правом крыле. Зандалас, начальник свиты, и те из рабов домашних, которые были знакомы с военным делом, стояли там же. По краям же стояли люди Валериана и Артабана, которым было приказано на короткое время укрыться в ище леса и, когда нападут враги, внезапно броситься на них из засады и теснить с обеих сторон. Все же промежуточное пространство занимала пехота. Передовые, одетые в панцыри, доходящие до ног, и имея весьма прочные шлемы, образовали сомкнутый отрой. Позади стояли другие, так что строй заканчивался арьергардом. Все же легко вооруженные стрелки и пращники оставались позади, ожидая благоприятного момента для стрельбы. Для герулов место было предназначено в середине фаланги, но оно было пусто, так как они еще не пришли. Между тем два герула, перебежавшие немного раньше на сторону врага, не зная, какое решение потом принял Синдуал, побуждали всех варваров как можно скорее напасть на римлян. Они говорили: «Вы найдете их в полной суматохе и беспорядке, так как герульская дружина негодует и отказывается сражаться, а другие подавлены их отпадением». Бутилин, легко убежденный этими словами, потому, думаю, что желал, чтобы это было верно, тотчас послал войско на неприятеля и все шли с воодушевлением прямо на римлян, но спокойно и в порядке, ободренные известиями, с шумом и песнями, как будто надеясь истребить одним ударом все им противостоящее. Форма их боевого порядка была подобна клину и походила на дельту. Передняя его часть, которая заканчивалась острием, была плотна и закрыта со всех сторон щитами. Можно сказать, что они своим построением напоминали голову свиньи. Фаланги же с каждой стороны, построенные в глубину по сотням и по лохам и как можно больше протянутые вкось, постепенно отдалялись друг от друга и заканчивались, охватывая большое пространство, так что промежуток между ними оставался пустым и видны были ряды голых спин воинов. Они стояли, отвернувшись друг от друга, чтобы противостоять неприятелю, но сражались в безопасности, прикрытые щитами. А тыл защищали стоящие в противоположном ряду.

9. Но у Нарзеса, пользующегося счастьем и наилучшим образом устроившего [войско], все протекало должным образом. Когда варвары с громким криком и воем в быстром натиске ворвались в ряды римлян, то они прорвали первые шеренги и добрались до пустого пространства. Герулы еще не появились и потому передовая часть варварского войска, прорвав передние ряды, убив немногих, проникла до задних

рядов, а некоторые продвинулись и дальше, как бы желая захватить и римский лагерь. Тогда Нарзес, повернув незаметно [в сторону неприятеля], удлинив фланги и установив фалангу, как называют тактики, на «переднее загибание», приказал конным стрелкам с обеих сторон поочередно осыпать стрелами спины врагов. Они легко это сделали. Так как варвары были пешими, они, возвышаясь над ними на лошадях, могли весьма легко поражать находящихся в отдалении, растянутых, не могущих защищаться с тыла. И, я думаю, было нетрудно всадникам, сосредоточенным на флангах, поражать стрелами противостоящую им часть врагов и ближайших к ним - ранить. Франков поражали со всех сторон. Римляне, поставленные на правом крыле, поражали их с этой стороны, а находившиеся на левом крыле - с другой. Так, стрелы неслись попеременно в противоположные стороны и неизменно поражали все, стоящее на пути. Варвары оказались не в состоянии ни избежать стрел, ни ясно различать, откуда они несутся. Так как они стояли против римлян и видели только то, что было перед глазами, и сражались врукопашную против стоящих перед ними гоплитов, то всадников-стрелков, как расположенных в тылу, не видели, и поражались не в грудь, а в спину и не могли понять, откуда их постигла беда. У огромного же большинства не было времени для сомнений, размышлений и недоумений, так как вместе с ударом их постигала смерть. Так как постоянно падали крайние, тотчас открывались спины стоящих внутри, и так как это происходило непрерывно, массы врагов весьма быстро стали рассеиваться, истреблялись и уменьшались. В это время Синдуал и герулы, приблизившись к месту сражения, наткнулись на врагов, прервавших боевой строй и выдвинувшихся вперед. Тотчас же, столкнувшись с ними в рукопашном бою, они начали сражение. Те, пораженные неожиданностью, заподозрив засаду, тотчас обратились в бегство, обвиняя перебежчиков в обмане. Люди же Синдуала их жестоко преследовали, не давая никакой передышки, пока не перебили одних и не сбросили в пучину реки других. Когда герулы возвратились на свое место, пустота заполнилась и франки как бы оказались пойманными в сеть и истреблялись повсеместно. Ибо строй их был совершенно разорван и они наталкивались толпами друг на друга, не зная, что делать. Римляне же истребляли их не только стрелами, но набрасывались на них тяжело и пегко вооруженные, бросая дротики, пронзая копьями и рубя мечами. Всадники, сомкнув фланги, окружили их и отрезали отступление. Те, кто избежал мечей, настигаемые преследователями, бросались в реку, где тонули и погибали. Везде были слышны вопли погибавших жалким образом варваров. Сам вождь Бутилин и все его войско были истреблены поголовно, среди них и герулы, перебежавшие перед сражением. И никто из германцев не возвратился в отечество, за исключением пяти человек, ускользнувших каким-то образом.[31] Осталось неизвестным, понесли ли и они наказание за несправедливость и покарало ли и их верховное правосудие.

Итак, бесчисленное множество франков, алеманнов и прочих, которые присоединились к ним, было уничтожено целиком. А из римлян погибло только семьдесят человек,

именно те, кто принял первый натиск врага. В этом сражении отличились почти все римские полки; из вспомогательных варварских - гот Алигерн (участвовал и он в сражении), Синдуал, вождь герулов, действовавший ничем не хуже других. Все превозносили похвалами Нарзеса и удивлялись ему, понимая, что его предусмотрительностью добились такой славы.

10. Такая блестящая, замечательная, сопровождавшаяся таким решительным результатом победа нелегко могла быть достигнута кем-либо в прежние времена. Но если где-либо прежде и другие претерпели подобное бедствие, то найдешь, что и они погибли из-за своей неправды. Ибо Датис, сатрап Дария, когда явился в Марафон с персидским войском, думал ниспровергнуть Аттику и всю Грецию. Причину похода нельзя было признать ни хорошей, ни справедливой. Царь Дарий, как кажется, не удовлетворялся громадным пространством Азии, считал недопустимым, если не поработит и Европу.

Поэтому-то мидяне и потерпели сокрушительное поражение. Их было убито в этом сражении столько, что когда перед сражением афиняне, как говорят, дали обет принести в жертву богине Артемиде столько козлов, сколько будет убито в битве неприятелей, то, несмотря на благосклонность к себе Охотницы и успешную охоту, оказались не в состоянии выполнить обет и, принося в жертву даже коз, не могли сравняться с числом убитых. А этот пресловутый Ксеркс и ксерксовы полчища! Каким образом он мог быть побежден греками? Разве не потому, что был и заносчив, и несправедлив, и пришел для порабощения тех, от которых сам не получил никакой обиды? Полагаясь только на численность своего войска и на боевую готовность, он никогда не поступал благоразумно. Они же, поступая должным образом, сражались за свою свободу, не упуская ничего из того, что они были в силах сделать, но желая и выполняя все должным образом. Победы Гилиппа Спартиата, катастрофу Никия и Демосфена, все бедствия в Сиракузах - как можно объяснить все эти события? Только неблагоразумием и несправедливостью. Чего желали афиняне, оставив у ворот врагов, а сами намереваясь сражаться как можно дальше и напасть на Сицилию? Можно перечислить многие другие зародыши неблагоразумия и несправедливости и показать, как они были губительны для зачинщиков. Но об этом, я полагаю, достаточно сказано.

Тогда римляне (нужно снова возвратиться к рассказу) тела собственных убитых, как изложено, похоронили должным образом, а трупы врагов ограбили, собрав огромное количество оружия. Разорив укрепление и захватив все там находящееся, они были обременены добычей. Распевая песни и украсив себя венками, в прекрасном порядке, сопровождая полководца, они возвратились в Рим.

Можно было видеть обширнейшие пространства вокруг Капуи, пропитанные кровью, а река, переполненная трупами, вышла из берегов.

Мне же один из местных жителей и сообщил элегию начертанную кем-то на столбе, водруженном на берегу реки Она такова:

Потоки реки Касулина, обремененные трупами,
Принимают камни Тирренского побережья,
Когда авзонское копьё истребило
Племена франков, повиновавшиеся жалкому Бутилину
О, счастливейшая река! Вместо трофея варварской кровью
Пусть будет она окрашена.

Была ли эта эпиграмма действительно начертана на камне или обнаруженная другим образом дошла до меня, я думаю, ничто не помешает поместить ее здесь. Во всяком случае, пусть она будет приятным памятником этой битвы.

11. В то же время римлянам было возведено о случившемся с Левтарисом и всеми его людьми. Тогда граждане и воины еще больше водили хороводы и устраивали праздники, как будто уже не боясь ничего враждебного и намереваясь жить в мире и спокойствии. Когда враги, своими нападениями беспокоившие Италию, были там повсеместно уничтожены, то [римляне] уже не верили, что на их место могут прийти другие. Так мыслила толпа, она не привыкла здраво взвешивать вещи и легко впадает в праздность и обо всем судит по тому, что ей приятно и желательно. Нарзес же, который обо всем имел правильное мнение, считал глупостью и безумием их надежды на то, что они освобождены от всякой необходимости предпринимать другие труды, но целиком и навсегда могут отдаться изнеженной жизни. Недоставало немногого, я думаю, по их безрассудству, чтобы они променяли шлемы и щиты на винные амфоры и барбитоны.[32] Так, они считали бесполезным и ненужным в дальнейшем оружие. Стратиг же правильно предусматривал, что франки и позднее останутся врагами, и боялся, что если римляне предадутся изнеженному образу жизни, то исчезнет их мужество, а затем, если настанет время сражения, они, побежденные робостью, окажутся бессильными перед опасностью, И, быть может, это незамедлительно и произошло бы, если бы он не признал нужным действовать быстро. Он созвал войско и произнес речь, вызвав поворот в их душах к благоразумию и мужеству и искоренению чрезмерного хвастовства. Итак, когда все собрались, он выступил на середину и сказал следующее:

12. «Тем, кто внезапно и необычно для себя добился счастья, естественно впасть в излишества и быть потрясенным непривычным, в особенности когда оно выпало неожиданно и мало заслуженно, но вы, о мужи, какое представите извинение, если кто-либо будет обвинять нас в этой перемене? Разве вы не приучены издавна к победе, которой теперь наслаждаетесь? Вы ведь уничтожили и Тотилу и Тейю и весь готский народ. Да вы получили даже большее счастье, чем то, которое обычно присуще вам. Какое счастье может быть сравнимо с римской славой! Ведь вами унаследовано от предков всегда побеждать врагов. Итак, вы победили и достигли счастья, равного вашему достоинству и вашей заслуге. Достигли же вы этого не праздностью и из-

неженной жизнью, но постоянным трудами, а потом и действиями в сражениях. И теперь подобает оставаться при этом и не только радоваться настоящему, но заботиться о будущем, чтобы оно было подобно настоящему. У тех, кто не мыслит так, счастье неустойчиво и в большинстве случаев обращается в свою противоположность. Ясным доказательством этого пусть будет этот разгром франков, которым вы справедливо похваляетесь. Когда их дела до настоящего времени находились в благополучном состоянии, они прониклись заносчивостью, подняли войну против нас, не предвидя крушения своей надежды. Поэтому так и погибли они почти все вследствие скорее собственного безрассудства, чем от нашего оружия. Позорно для вас, мужи римляне, страдать тем же, что и варвары, а не превосходить их умом, так же как и силой. И пусть никто не думает из вас, что нет уже никакого врага, так как все враги истреблены.

Даже если бы это действительно было так, даже и тогда вам не следует отказываться от ваших правил и оставлять свои обязанности. Но каждый поймет, что положение дел не соответствует вашим надеждам. Многочисленнейший и величайший народ франков весьма опытен в военном деле, побеждена нами только незначительная его часть, а это не может внушить противнику страх, а может скорее возбудить гнев его. Вполне правдоподобно поэтому, что они не успокоятся и не перенесут безропотно обиду, но пойдут против нас с большим войском и в короткое время возобновят против нас войну.

Поэтому вы должны отбросить, если признаете это нужным, бездеятельность, восстановить нашу готовность переносить опасности в большем объеме, чем раньше, потому что и опасности нужно ожидать большие, чем раньше. Если вы так будете держать себя, то если даже они и появятся весьма быстро, то нападут на вас, уже подготовившихся и не нуждающихся в промедлении. Если же они совершенно не появятся (нужно сказать и то и другое), ваши дела все же будут в безопасности, и вы покажете, что наилучшим образом позаботились о своих интересах».

При таком увещании Нарзеса стыд и раскаяние в прежнем легкомыслии охватили все войско. Отбросив беззаботность и распущенность, оно перестроило свою жизнь по отечественным нравам.

13. Часть готов в количестве семи тысяч вооруженных людей, которые во многих местах оказывали помощь франкам, полагая, что римляне не успокоятся, но немного спустя нападут на них, тотчас отступила в укрепление Калепсы.[33] Место было сильнейшим и укрепленнейшим, так как было расположено на высокой горе, а у самой вершины со всех сторон поднимались и протягивались обрывистые скалы, так что врагам не было легкого доступа туда. Собравшиеся здесь готы считали, что они будут в безопасности и отнюдь не хотели сдаваться римлянам, но решили всеми силами сопротивляться, если кто нападет на них. Подстрекал их и побуждал к этому варвар, по имени Рагнарис, хотя и не од-

ного с ними рода и племени; он был из так называемых витторов (витторы - гуннское племя), но так как он был ловок, и во всем хитер, и способен любым образом захватить себе власть, то он управлял массой и думал возобновить войну, чтобы благодаря этому стать еще более известным. Итак, Нарзес тотчас со всем войском двинулся на него и затем, так как не мог сразу приблизиться к укреплению и рисковать в трудно доступном месте, то начал осаду и окружил [крепость] со всех сторон, чтобы ничего не было подвезено находящимся внутри, и чтобы они не могли выходить безопасно куда желают. Но от этого варвары мало терпели вреда. Они были полностью обеспечены, так как все необходимое продовольствие и наиболее ценное имущество уже было свезено в эту неприступную крепость. Однако они были недовольны римской осадой и считали позором быть заключенными и стесненными надолго в тесном пространстве, поэтому часто совершали нападения на врагов, чтобы прогнать их оттуда, если смогут, но ничего не сделали достойного упоминания.

14. Когда зима пришла таким образом, с наступлением весны Рагнарис решил вступить в переговоры относительно создавшегося положения и, когда это было разрешено ему, он пришел с немногими к Нарзесу в установленное место. Оба они встретились и о многом говорили. Но как только Нарзес увидел, что Рагнарис охвачен гордыней, произносит множество кичливых речей, требует большего, чем должно, чрезмерно хвастает, тотчас прервал свидание, отказался от соглашения и отослал его назад, ничего не добившегося. Тот же, поднявшись на холм и находясь уже вблизи стены, обиженный, что ничего не добился из того, что надеялся получить, незаметно и тайно натянул лук, а затем внезапно повернулся и пустил стрелу прямо в Нарзеса, но не попал в цель. Стрела упала, отнесенная в другое место, никого не задев. Но тотчас же за преступлением варвара последовало воздаяние. Оруженосцы Нарзеса, разгневанные его дерзостью, начали стрелять в него, и несчастный получает смертельную рану. И разве он не заслужил ее, совершив низкое и вероломное покушение! Слуги на носилках едва втащили его в крепость. Он умер бесславно, прожив после этого только два дня, и имел такой печальный конец своего вероломства и безрассудства.

Когда он умер, готы, считая, что они не в состоянии дальше выдержать осаду, просили Нарзеса дать гарантию, что их жизнь будет пощажена. Когда он немедленно дал клятву в этом, они тотчас же сдались сами и сдали укрепление. Нарзес не убил никого, так как дал клятву и, кроме того, считал бесчестным и жестоким убивать побежденных. А чтобы они в дальнейшем не затевали каких-нибудь перемен, отослал всех к императору в Византию. Когда происходили эти события, юноша Теодибальд, правивший соседними с Италией франками, как выше мною сказано, умер мучительной смертью от болезни, которой он страдал издавна. Так как Хильдиберт и Хлотар, как ближайшие родственники, по местным законам являлись наследниками юноши, то между ними возникли острые разногласия, они чуть было не погубили весь народ. Однако Хильдиберт был

уже стар, и кроме того, что был преклонного возраста, он был ослаблен тяжелой болезнью, так что все его тело высохло. У него не было детей мужского пола, чтобы передать им власть. Он состарился, имея только дочерей. Хлотар же был здоров, еще не очень стар и имел только первые морщины; к тому же у него было четыре сына, еще юноши, смелые и стремящиеся к деятельности. Поэтому он сказал брату, что тот не должен иметь доли в наследстве Теодибальда, так как спустя малое время и само королевство Хильдиберта перейдет к нему и его собственным детям. И он не обманулся в надежде. Старший добровольно отказался от наследства, боясь, как я думаю, могущества брата и опасаясь его вражды. Спустя немного времени он сам умер, и вся держава франков попала к одному Хлотару.[34] В таком положении находились итальянские и франкские дела.

15. В это же время произошло сильное землетрясение в Византии и повсюду в Римской империи, так что многие города, островные и материковые, были целиком разрушены, а их жители погибли поголовно все. Так, прекрасный Берит, гордость Финикии, был лишен тогда всех своих украшений; рушились его замечательные, знаменитые, отмеченные высоким художественным мастерством здания, так что почти ничего не осталось, за исключением основания сооружений. Погибло великое множество людей - местных уроженцев и пришлых, придавленных рушащимися постройками, в том числе много юношей-пришельцев знатных и очень образованных, которые приехали сюда для изучения римских законов. Предназначенные для этого училища были для города как бы отечественным установлением и высшей гордостью. После этого толкователи законов переселились в соседний город и туда же перенесены были училища, пока снова не обстроился Берит, отнюдь не такой, каким он был раньше, но и не так непохожий, чтобы по его виду нельзя было узнать его прежней формы. Но это восстановление города и перенесение в него училищ произошло уже позднее. В то же время и в великой Александрии, расположенной у реки Нила (в этой местности землетрясения не обычны) тоже ощущалось сотрясение, незначительное, конечно, и кратковременное, не очень явственное, но все-таки оно имело место. У местных жителей и особенно у глубоких стариков оно вызвало сильное удивление, как никогда раньше не случавшееся. И никто не оставался дома; толпа сбежалась на площади, чрезмерно потрясенная неожиданностью и новизною явления. На меня самого (я в то время жил в Александрии, чтобы получить образование, необходимое для изучения законов) напал страх и при этом очень слабом сотрясении, когда я думал, что сами по себе постройки не прочны и не в состоянии выдерживать толчков даже ничтожное время: слишком они тонки (стены кладутся только в один кирпич). Но находящиеся в городе образованные люди опасались не того, думаю, толчка, который прошел, а повторения его, которое казалось вероятным. Говорят, что причиной этого бедствия являются испарения сухие и дымные, накапливающиеся в пустотах под землей, и так как они не могут легко вырваться наружу, то начинают сильнее крутиться внутри и сотрясать то, что над ними нависает сверху) пока насильственно потоком, разрывая кору, не прорывают

ся наружу. Изучающие это говорят, что Египет - страна, в которой землетрясения никогда не может быть, так как страна эта очень низменная, плоская и отнюдь не пещеристая. Поэтому она не заполняется испарениями, а если где и накапливает их, то они очень быстро проходят через рыхлую почву. Когда эта теория, хорошо разработанная, в то время подверглась нареканиям, как недостаточно обоснованная, то, естественно, эти знаменитые мужи испугались, как бы на будущее время не осуществилась в обратном смысле известная эпитафия и как бы не возникла опасность испытать воздействие со стороны не только держателя земли, но и потрясающего землю Нептуна. Но, если бы какая-нибудь часть Египта и испытала толчки, у знатоков этих дел найдутся и другие аргументы, посредством которых будет поддержана и в дальнейшем будет укреплена теория испарений. Мне же кажется, насколько можно пользоваться солидными аргументами для понимания неизвестного, они не вполне отходят от правдоподобия и вероятности, но от действительной истины они далеки. Каким образом можно в совершенстве понять неизвестное и превышающее наше понимание? Пусть будет достаточно для нас знать только то, что все создано божественным разумом и высшей волею. Наблюдение и изучение разумом начала и движения природы и причины отдельных явлений нельзя считать бесполезным и лишенным удовольствия. Думать же и уверять себя, что можно постигнуть сущность вещей, было бы самоуверенностью и невежеством, вдвое превышающим незнание. Но об этом достаточно. Снова возвращаемся к делу.

16. В это время остров Кос, расположенный на краю Эгейского моря, также подвергся землетрясению, и лишь самая незначительная часть его сохранилась, большая же часть рушилась; произошли различные и неслыханные бедствия. Море, поднявшись на огромную высоту, обрушилось на приморские дома и уничтожило их вместе с имуществом и людьми. Толчок огромной силы, так как не мог прорваться через морские волны, все сокрушил и ниспроверг. Погибли без исключения почти все горожане, укрывались ли они в храмах, оставались ли дома, или собрались в каком-нибудь другом месте. Так как я в это время возвращался из Александрии в Византию и был занесен случайно на этот остров (он был расположен на пути), то мне открылось жалкое зрелище, которое нельзя даже верно описать словами. Почти весь город был грудой развалин, раскинутых на большое пространство. Всюду были разбросаны камни и остатки поломанных бревен и колонн; такая густая пыль поднималась вверх, затемняя воздух, что нелегко было различить площади, за исключением известных. Насколько можно разглядеть, только очень немногие дома оставались невредимыми, и то не те, что построены из извести и камня или какого-нибудь прочного и твердого материала, как это обычно бывает, но те, которые были сооружены деревенским способом из необожженного кирпича и глины. Изредка появлялись люди с печальным и поникшим взором, как бы совершенно отчаявшиеся в своем спасении. К довершению всех бедствий и городская вода совершенно потеряла качество чистой питьевой воды и постепенно превратилась в соленую и непригодную для питья. Все исчезло и было

ниспровергнуто, так что ничего не осталось для украшения города, за исключением славного имени Асклеиада и известности Гипократа.[35] Сострадать в этих делах свойственно человеческой природе; неумеренно же удивляться и поражаться свойственно людям, не знающим прошлого, не знающим, что этой части земной коры издавна свойственны подобные сотрясения. Ибо часто и раньше целые города погибали от землетрясений, так что лишённые старых жителей населялись сызнова новыми обитателями.

17. Так, Траллы - город, расположенный теперь в провинции Азии, недалеко от реки Меандра, который некогда был колонией пеласгов, - во времена кесаря Августа подвергся землетрясению и был так разрушен, что в нем ничего не сохранилось. Когда город был превращен в груды развалин, говорят, некий деревенский житель, по имени Херимон, охваченный сильной душевной скорбью и не будучи в состоянии пережить ее, совершил великое и удивительное дело. Неустрашенный ни длиной пути, ни величиной просьбы, не посчитавшись с тем, что, как казалось, он шел навстречу величайшей опасности, не приняв во внимание ни сомнительности задуманного, ни позаботившись о тех, кого он оставлял дома, ни о чем другом, что часто вынуждает людей переменять решения, он пришел не только в Рим, но и в страну Кантабров, расположенную где-то у берегов океана (там в это время находился кесарь, сражаясь с чужеземными народами), возвестил ему обо всем случившемся и так тронул императора, что он тотчас, выбрав семь консуляров среди наиболее знатных и богатых в Риме, с большой свитой послал [их] в колонию. И они, придя туда весьма быстро, захватив с собою большие средства и приложив величайшее старание, восстановили город сызнова и придали ему такой вид, какой он имеет теперь. Поэтому жители этого города теперь уже никак не могут называться пеласгами, а скорее римлянами, хотя язык их стал греческим и аттическим. Да и как они могли не сделать этого, проживая в Ионии? О том, что события произошли именно так, свидетельствует и местная история города, а еще больше надпись, которую я прочел, когда прибыл туда. На одном из окружавших город полей (Сидирус, или Железный, было название этой местности), откуда происходил Херимон, я увидел древнейший алтарь, на котором некогда, как кажется, стояла статуя Херимона. Теперь на нем ничего не осталось, но и до настоящего времени сохранилась вырезанная на жертвеннике стихотворная надпись, имеющая следующее содержание: «Херимон, когда отечество было разрушено землетрясением, помчался к берегам отдаленной Кантабрии и бросился к ногам великого кесаря; поэтому он снова отстроил разрушенные Траллы. За это соотечественники воздали благодарность, воздвигли эту статую, чтобы она стояла позади жертвенника, как восстановитель дорогого отечества». И дела Траллов, несомненно, обстояли таким образом. В это время многие ионические и эолийские города в Азии претерпевали подобные же бедствия.

18. Возвращаясь к прерванному повествованию. Мне теперь нужно обратиться к стране лазов и персидским войнам, как они совершались в те времена.

Между римлянами и персами уже с давнего времени велась великая война, и часто они опустошали земли друг друга, то без какого-либо объявления войны совершая набеги, то сталкиваясь многочисленными войсками в открытых сражениях. Незадолго до этого было заключено перемирие не с тем, однако, чтобы иметь полный мир и совершенно предотвратить опасность войны, но только на востоке, в пределах Армении, каждому народу был гарантирован мир. В пределах же Колхиды война продолжалась.[36]

Лазы в древности назывались колхами. Что это действительно так, никто в этом не будет сомневаться, если он знаком с территорией Фазиса, Кавказом и знает о долговременном их проживании в этих местах. Говорят, что страна колхов является колонной египтян. Ибо гораздо раньше прибытия героев, которые сопровождали Язона, и даже раньше владычества ассирийцев и времен Нина и Семирамиды, Сезострис, египетский царь, собрав многочисленное войско из своих подданных, не только прошел и покорил всю Азию, но даже дошел до этой страны и известную часть войска тут оставил, откуда и идет начало рода Колхиды.[37] Об этом свидетельствует Диодор Сицилийский и многие другие древние историки.[38]

Итак, эти лазы, или колхи, или египтяне, перебившие свое местожительство, в наш век были тревожимы частыми войнами, и много сражений произошло в этих местностях. Ибо Хосров, царь персидский, вторгнувшись и уже захватив ряд очень выгодных позиций в этой стране, никак не хотел этим удовлетвориться, но считал необходимым подчинить своей власти и остальную часть страны. Юстиниан же, римский император, не считал ни правильным, ни справедливым оставить без помощи Губаза, бывшего в то время царем колхов, и весь народ, подчинившийся ему, дружественно настроенный, связанный единством религии. Мало того, он пытался как можно скорее и всеми силами изгнать оттуда врага. Ибо он испытывал и опасения, что если персы одержат верх в войне и овладеют всей страной, то у них уже не будет никаких препятствий к тому, чтобы, плавая без всяких опасений по Черному морю, вторгаться во внутренние области Римской империи. Поэтому он сосредоточил там величайшее и сильнейшее римское войско под начальством лучших своих полководцев. Ибо начальствовали над ним Бесса, Мартин и Буза, люди виднейшие и испытанные в многочисленных сражениях. Был послан даже Юстин, сын Германа, будучи еще очень юным, но уже опытным в военном деле.

19. Мермерой, вождь персов, дважды нападал на Археополь, но был отброшен. Обхожу молчанием некоторые другие действия, тем более, что Прокопий ритор об этом подробно говорит. Отсюда мне следует начинать изложение. Итак, тогда он [Мермерой] снова приходит к укреплениям Мухиризису и Котаисию с тем намерением, чтобы, обойдя трудно проходимые местности вокруг Телефиса, дойти до реки Фазиса, и когда римляне будут поражены его неожиданным приходом, попытаться каким-либо способом захва-

тить укрепления, что было бы весьма трудно совершить, если бы он продвигался открытым и прямым путем.[39]

Стратиг же Мартин, засев со своими войсками в Телефисе (это была сильная и весьма укрепленная преграда), тщательнейшим образом охранял проходы. И вообще это место было чрезвычайно трудно пройти. Ибо пропасти и обрывистые скалы, обращенные друг к другу, делали лежащую под ними тропинку весьма тесной, а другого подхода ни с какой стороны не было. Расположенные вокруг поля были чрезвычайно илистые и болотисты, покрыты густыми кустарниками и чащами, так что и одному легко вооруженному проход был весьма труден, тем более тяжело вооруженным массам. Сверх того, и римляне не жалели никакого труда и если находили какую-либо местность недостаточно безопасной, которую, казалось, можно было пройти, ее преграждали бревнами и камнями и постоянно над этим трудились. Когда Мермерой находился в затруднении в такой обстановке и много обдумывал положение, он пришел, наконец, к выводу, что, если он сможет каким-либо способом устранить охрану римлян и понемногу ослабить их бдительность, попытка пройти не будет совершенно безнадежной. Если враги будут непрерывно караулить местность, то невозможно преодолеть обе трудности. Если же они ослабят свою бдительность, и останется только преодолеть бездорожье и непроходимые пути превратить каким-либо образом в проходимые, то это он не считал совершенно невозможным. Он надеялся без особого труда пройти, вырубив и прочистив множеством рук чащи, подкопав и устранив мешающие [проходу] скалы. Поэтому для осуществления задуманного он идет на следующую хитрость. Он притворился внезапно заболевшим тяжелой и неизлечимой болезнью и слег, показывая вид, что испытывает величайшие страдания и оплакивает свою судьбу. Внезапно все войско охватило слух, что полководец весьма тяжело заболел и проживет недолго. От тех, которые предпочитали за плату служить противнику, предавая своих и выдавая военные секреты, истина скрывалась. План сохранялся самым надежным способом и не сообщался даже ближайшим друзьям. Обманутые только одними слухами, которые распространялись среди толпы, они [шпионы] известили об этом римлян, которые легко этому поверили и не столько известию, сколько своему внутреннему желанию.

20. Они сейчас же ослабили свою ранее деятельную и постоянную заботу и небрежнее стали нести охрану. Спустя несколько дней было объявлено, что Мермерой умер. В действительности же он скрывался в одной хижине, притом так что и у самых близких его людей победило то же мнение. Тогда еще больше римлянам стало казаться излишним проводить бессонные ночи и чрезмерно трудиться. Вследствие этого, оставив заграждения и труды, которым для этой цели предавались, они стали вести распущенный образ жизни, спя целые ночи, проводя время в лагерях, не делая ничего нужного и прекратив даже высылать разведчиков. Они убедили себя, что персы, лишены полководца, никоим образом против них не пойдут, мало того - убегут как можно дальше. Узнав об этом, Мермерой внезапно отбрасывает

хитрость и появляется перед персами таким же, каким бы и раньше. Тотчас же, с величайшей быстротой подняв все войско, искусно преодолев трудности пути, описанные раньше, он приближается к укреплению и уже угрожает римлянам, которые не могли защищаться, пораженные неожиданным поворотом дела. Тогда Мартин решил очистить этот пункт, прежде чем Мермерой совершенно проникнет внутрь и причинит римлянам великое зло. Ибо каким образом им, будучи немногочисленными, было возможно удерживать множество врагов и не быть при первом же натиске уничтоженными.

Таким образом обманутые варварами, совершая позорнейшее отступление, они спешили соединиться с прочими войсками. Войско, которым командовали Бесса и Юстин, разбило лагерь в местности, расположенной недалеко от Телефиса,[40] отстоящей от него на расстоянии только 7 стадий.[41] Там нет ничего, кроме горшечного базара, откуда и название местности. По-римски эта местность называется Оллария - то же самое, что по-эллински - Хитрополия.[42] Когда уже многие, опередившие других вместе с Мартином находились в безопасности, все полководцы решили, ожидая неприятеля, выстроиться там и противостоять ему, мешая его дальнейшему продвижению. В числе виднейших военачальников был некто по имени Феодор, происходящий из племени цанов, но воспитанный у римлян, отказавшийся от варварских, хотя и отечественных нравов и приобщившийся к их более высокой культуре. Итак, этот Феодор со своей дружиной (за ним следовало не менее 500 его соотечественников) еще оставался у Телефиса, так как ему было приказано Мартином уходить отсюда не раньше, чем увидит всех наступающих неприятелей и разведает, насколько возможно, их численность, их настроение и намерения.

21. Он же, смелый и на все способный, выполнил поручение и затем, когда увидел множество персов, входящих в укрепление, и установил, что они не останутся здесь, но одержимы желанием сражаться, тотчас начал отходить. Увидя на пути многих из римлян, не спешивших в Хитрополию, как это им было предписано, но врывающихся в жилища лазов, грабя там хлеб, полбу и прочее съедобное, пытался их отзывать, обвиняя в безрассудстве, как не сознающих, какой опасности они подвергаются. Те из них, кто был менее жаден и распушен, призванные к благоразумию, присоединялись к нему и медленно отступали. Феодору, однако, не было возможности своевременно уведомить полководцев, что Мермерой угрожает им. Персы же внезапно напали на некоторых, продавшихся грабежу, не прекращающих его и находящихся вне лагеря. Некоторые из них были убиты. Другие же опрометью бежали и внезапно ворвались в лагерь с шумом и жалобными воплями, так что неожиданностью всех привели в замешательство. Безмерно напуганные воины оставили лагерь. Военачальники же (войско не было еще выстроено в боевой порядок), боясь, чтобы варвары не напали на неподготовленных, отказались от ранее принятых решений и не знали, как действовать. Не было времени для выяснения обстановки, да этого не допускало само смятение умов. Поэтому, снявшись с равнины и увлекая за собой все

войско, начали постыдное и беспорядочное отступление; бегство прекратилось только тогда, когда добрались до Острова.[43] Отстоит же Остров от Телефиса приблизительно на 5 парасангов. Такой дневной переход совершили эти благородные воины в своем поспешном бегстве. Парасанг, по Геродоту и Ксенофону, составляет 30 стадий, а у иверов и персов - только 21. Так считают и лазы, но отнюдь не пользуются этим термином, а употребляют термин «передышка» и, по моему мнению, правильно. Ибо у них носильщики тяжестей, пройдя один парасанг, снимают с себя ношу и немного отдыхают, причем другие их сменяют по очереди и сколько раз это делают, на столько путь измеряют и делят. Но как бы ни называть парасанг. Остров отстоит от укрепления на 150 стадий. Местность эта сильно укреплена и трудно доступна, будучи окружена речными потоками. Ибо Фазис и Докон, стекая с Кавказских гор по различным руслам и вначале очень далеко отстоя друг от друга, здесь вследствие изменения местности постепенно сближаются друг с другом, отделяясь небольшим пространством, так что римляне, прорыв новое русло и преградив реку Фазис плотиной, направили его течение в Докон. Таким образом, обе эти реки в восточной части Острова соединяются и окружают местность. Отсюда они делятся, производя разные повороты и изгибы, и охватывают большое пространство. Пройдя дальше на запад, сближаются и почти сливаются, так что все, ими охваченное, образует остров. Здесь-то и собрались римляне.

22. Мермерой же, придя в Хитрополию, сильно упрекал своих за трусость и неповиновение и решил дальше не двигаться и не нападать на Остров. Ибо он не мог ни доставить продовольствия такому войску во враждебной стране, ни быть готовым к осаде. Однако, не считая возможным возвращаться в Телефис при тамошнем бездорожье, он бревнами и специально для этого приготовленными лодками соединил берега Фазиса и, создав подобие моста, провел все войско без всякой помехи. Он разместил персов в укреплении Оногурис, которое раньше создал против римлян в окрестностях Археополя, воодушевил их, ввел туда другие силы, укрепил все, как мог, а затем возвратился в Котаисий и Мухиризис.[44] Пораженный болезнью и находясь в тяжелом положении, большую и сильнейшую часть своего войска он оставил там для охраны территории; сам же удалился в страну, называемую Иверией. С трудом доставленный в город, называемый Месхита, Мермерой, не будучи в силах перенести тяжести болезни, здесь действительно умер. Это был человек величайшего ума, сделавшийся виднейшим среди персов, опытнейший в военном деле, мужественный духом. Будучи уже престарелым и издавна хромым на обе ноги, он не мог ездить верхом, но лишения переносил, как сильнейший юноша, и не отказывался ни от каких подвигов, появлялся часто в строю, носимый на носилках, и этим внушая страх врагам и поднимая дух своих. Распоряжаясь всем должным образом, одержал много побед. Таким образом, полководческий дар зиждется не на силе тела, а на благоразумии. Тогда бездыханное и обнаженное тело Мермероя его близкие вынесли за город и оставили, по отцов-

скому обычаю, на растерзание нечистым псам и птицам, которые питаются трупами.

23. Такой способ погребения соблюдают персы и в результате этого после исчезновения мяса остаются голые кости, беспорядочно разбросанные по полям. Класть же умерших в какой-нибудь гроб или урну или погребать в земле совершенно запрещается. А если птицы быстро не налетают на труп или набросившиеся собаки быстро не растерзают его, то считают, что такой человек был порочных нравов, несправедлив и обречен на гибель, почему находится во власти злого божества. Тогда родственники еще больше оплакивают умершего, как совершенно погибшего и не имеющего надежды на лучшую долю. Кого же пожрут быстрее всех, того величают как самого счастливого, а его душу восхваляют, как наилучшую, богоподобную и отправляющуюся в места блаженства. Что же касается рядовых и простых людей, то если случится кому заболеть тяжелой болезнью в лагере, они выносятся еще дышащие и находящиеся в сознании. И когда кто-нибудь таким образом будет вынесен, рядом с ним кладется кусок хлеба, вода и палка, и пока он в состоянии принимать пищу и остается у него сколько-нибудь силы, он защищается этой палкой от нападающих на него животных и прогоняет пожирателей. Если же еще он не умер совершенно, а болезнь овладела им настолько, что он уже не в состоянии рукой двинуть, то пожирают несчастного полумертвого и испускающего последний издох и отнимают последнюю надежду выжить. Многие же, уже выздоровевшие, возвращаются домой как бы на сцене или в трагедии из врат тьмы, исхудалые, обезображенные и пугающие встречных своим видом. Если же кто возвращается таким образом, то от него все отвращаются и избегают как отлученного и еще находящегося под властью подземных богов, и вернуться к прежнему образу жизни ему разрешается не раньше, чем будет очищена магами скверна угрожавшей ему смерти и он не получит разрешения снова жить. Совершенно очевидно, что каждый народ считает лучшим и справедливейшим тот обычай, к которому привык за долгое время его существования, а поэтому избегает, осмеивает и не доверяет всему тому, что делается в его нарушение.

Изобретены равным образом у людей и объяснения и оправдания своих законов, разные у разных народов, иногда соответствующие истине, иногда приспособленные для лежковерных. Поэтому, полагаю, нет ничего удивительного, что и пером, оправдывая существующие у них обычаи, пытаются доказать, что они наилучшие из всех существующих. Я же чрезвычайно удивляюсь тому, что древнейшие обитатели этой страны, будь это ассирияне, халдеи и мидяне, не придерживались этого. Ибо около города Ниневии и в Вавилонской стране и, наконец, в самой стране мидян существуют гробницы, могильные курганы некогда умерших, согласно нашему обычаю, а не какому-либо другому, и положены ли в них трупы или пепел, как это принято у эллинов, нигде во всяком случае нет ничего похожего на то, что сейчас там происходит.

24. Таким образом, они [раньше] не знали этого [обычая] относительно погребения, тем более беззакония относительно брака, каким они теперь злоупотребляют, живя бесстыдно не только с сестрами и племянницами, но отцы с дочерьми и, что особенно преступно - о законы, о природа! - сыновья со своими матерями. Что и это представляет их новшество, каждый ясно поймет из следующего. Говорят, что древняя ассирийская Семирамида дошла до такой распущенности, что захотела жить со своим сыном Нином и соблазняла к этому юношу. Тот же отказывался и приходил в негодование и когда увидел, что она объята страстью и настаивает, то убил мать и избрал лучше это преступление, чем то. И, если бы это дозволено было законом, я полагаю, Нин никогда бы не прибегнул к такой жестокости. Но зачем говорить о слишком древнем? Незадолго до македонских времен и низвержения персов, говорят, Артаксеркс, сын Дария, хотя не убил свою мать Парисатиду, страдающую сходным с Семирамидой пороком и желающую сойтись с ним, но с гневом отказал и отверг ее, так как это нарушало благочестие, не соответствовало местным нравам и не было принято в общественной жизни.

Современные же [персы] пренебрегли почти всеми старыми обычаями и отбросили их, а соблюдают другие, сильно развращенные обычаями, прельщенные учением Зороастра, сына Ормузда. Нельзя точно установить, когда жил этот Зороастр, или Зорад (ибо у него двойное имя), и когда установил свои законы. Современные персы говорят просто и без всякого разъяснения что он жил при Гистаспе, что вызывает большое недоумение и не позволяет знать точно, был ли это отец Дария или другой какой Гистасп.

Однако в какое бы время ни процветал этот наставник и основатель священных обрядов магов, во всяком случае он изменил старые священные обычаи и создал разные порочные верования. В древности же они почитали Юпитера и Сатурна и всех прочих богов эллинов, с тем различием, что не сохранили того же названия, но Зевса называли Белом, Геракла Сандом, Афродиту Анаитидой и разных богов называли разными именами, как удостоверяют вавилонский Берос,[45] Атенокл, Симак, описавшие древнейшую историю ассирийцев и мидян.

Теперь же в большинстве вопросов сходятся с манихеями, поскольку признают два первых начала: одно - доброе и порождающее самое лучшее, а другое, - противоположное в обоих отношениях. Дают им варварские названия, заимствованные из их языка. Доброе начало - божество, или демиург, - они называют Ормуздом, злое и вредоносное - Ариманом. Справляют праздники; главный из них называют уничтожением зла; тогда доставляют магам множество убитых змей и других диких животных, живущих в пустыне, как бы в доказательство благочестия.

Они верят, что совершают этим доброе дело, угодное доброму божеству и негодное и вредное для Аримана. В особенности почитают воду, так что не моют ею даже лицо

и другим образом не касаются, за исключением питья и поливки растений.

25. Называют и почитают многих и других богов по эллинскому обычаю. Жертвоприношения, очищения и пророчества делаются также по эллинскому обычаю. Огонь у них также почитается и считается величайшей святыней. Поэтому маги сохраняют его неугасимым в священных уединенных зданиях и, взирая на него, совершают тайные священнодействия и вопрошают относительно будущего. Это, полагаю, перенято или от халдеев, или от другого какого-либо народа и не соответствует остальному.

Таким образом, вера их, заимствованная у многих народов, является весьма разнородной. И, мне представляется, это произошло не случайно. Я не знаю другого государства, которое подвергалось бы таким многочисленным и разнообразным переменам. Оно не могло длительный срок оставаться в одном и том же состоянии, и так как в нем господствовали многочисленные и разные народы, то, естественно, оно и сохраняет памятники различных верований и законов. Первыми, о которых мы слышали, ассирияне, говорят, овладели [народами] всей Азии, за исключением индусов, живущих по ту сторону Ганга.

Кажется, что Нин первым создал там прочную власть, а за ним Семирамида и, наконец, все их потомки до Бела, сына Деркетада. Когда со смертью этого Бела прекратилось потомство Семирамиды, некий Велитор садовник, попечитель и начальник царских садов, удивительным образом присвоил себе власть и передал своему роду, как пишут Бион и Александр Полигистор.[46]

В царствование Сарданапала, как они пишут, когда царство ослабело. Арбах (мидянин) и Велизис (вавилонянин) отняли власть у ассирийцев, умертвив их царя, и передали мидийскому народу, когда прошло свыше тысячи трехсот шести лет или немного более с того времени, как Нин захватил там верховную власть. В этом с летописцем[47] Ктесием, Книдянином согласен и Диодор Сицилийский. Итак, мидяне снова достигли власти, и все устанавливалось по их законам. Когда и они владели властью не меньше 300 лет, Кир, сын Камбиза, победив Астиага, передал власть персам. И как ему этого не сделать, если он и сам был перс, и одновременно враждебен мидянам из-за столкновения с Астиагом. И персидские цари правили двести двадцать восемь лет. Однако и их царство было совершенно уничтожено иностранным войском и чужеземным царем. Ибо Александр, сын Филиппа, убил царя Дария, сына Арсама, покорил всю Персию и ввел [ее] в состав Македонского государства. Он был так славен величием совершенных деяний и непобедим в войне, что даже когда умер, его преемники, также македоняне, весьма долго удерживали чужую и враждебную [страну] и достигли большого могущества.

И я полагаю даже, что они правили бы до настоящего дня и удерживали бы власть, укрепленные славой основателя, если бы не подорвали свое могущество взаимными рас-

прями и частыми войнами как между собою, так и с римлянами ради приобретения большего, так что перестали казаться соседям неодолимыми. Тем не менее держали власть немногим менее мидян, меньше только на семь лет (так как и в этом следует верить Полигистору). После того как они правили столько времени, они были лишены власти парфянами, народом, ранее подвластным им и совершенно неизвестным. И затем те управляли всем царством, кроме Египта. Главой восстания против них был Арсак, так что его преемники назывались арсакидами, а Митридат немного спустя сделал имя парфян еще более славным.

26. Свыше двухсот семидесяти лет прошло от первого Арсака до Артабана, последнего царя, когда дела римлян управлялись Александром, сыном Маммеи. В это время там начал правление род современного нам Хосрова. Тогда персидское государство, существующее до настоящего времени, получило начало и первоначальное свое устройство. Некто Артаксар по имени, персидский муж, вначале совершенно никому не известный и ничем не знаменитый, но весьма энергичный и способный к великим деяниям и весьма пригодный для низвержения существующего, собрал заговорщиков, напал на царя Артабана и убил его, возложив на самого себя кидар,[48] и, уничтожив могущество парфян, снова возвратил персам их царство. Он был привержен к учению магов и совершал их таинства. С того времени усиливается и род магов и преисполняется гордыней. Таким он был и раньше и издревле сохранял эту репутацию, но не поднимался еще до такого почета и такой свободы; иногда же был и презираем находящимися у власти. Это показывает следующее. Когда Смердис, некий маг, захватил власть после Камбиза, сына Кира, персы, поддерживавшие Дария, не сочли происшедшее непоправимым, но убили самого Смердиса и множество тех, кто оказались его единомышленниками, так как непозволительно магам посягать на царский престол и устраивать козни. Эти убийства казались им не только не преступными, но и достойными увековечения, так как они в память этого возмущения установили празднество под названием «избиение магов» и приносили в память этого события благодарственные жертвы.

Теперь же все их [магов] почитают и превозносят и все общественные дела устраиваются по их советам и предсказаниям. Каждому частному лицу, когда дело касается суда или других случаев, они предписывают и навязывают то, что нужно сделать. И вообще у персов ничего не признается законным и справедливым, если оно не одобрено магом.

27. Говорят, что мать Артаксара вышла замуж за некоего Пабека, совершенно незнатного человека, сапожника по профессии, но хорошо изучившего движение звезд, который легко мог предугадывать будущее. Некий военный человек по имени Сасан, случайно совершая путь по стране Кадусеев, пользовался гостеприимством у Пабека и находился в его жилище. Тот же каким-то образом (думаю, как предсказатель) предугадал, что потомство гостя будет знаменитейшим и известнейшим и достигнет великого счастья. Он печалился и скорбел, что у него нет ни дочери, ни сестры,

никакой другой женщины, близкой родственницы, и наконец уступил ему свое ложе и свел его со своей женой, необычайно смело пренебрегая стыдом, променяв бесчестье и позор на предстоящий в будущем жребий. Так родился Артаксар и был воспитан Пабеком. Когда же, став юношей, он весьма храбро захватил царскую власть, тотчас возник спор и жестокая ссора между Сасаном и Пабеком. Каждая сторона хотела назвать его своим сыном. С трудом оба согласились на том, чтобы он действительно назывался сыном Пабека, но рожденным от семени Сасана. Говоря о таком происхождении Артаксара, персы утверждают, что оно истинно и что так записано в царских пергаментах. Я перечислю немного позже и имена всех, которые царствовали после него и к этому [добавлю], сколько времени каждый царствовал, хотя это опускалось всеми историками до настоящего времени, и они не считали важным исследовать это. Но цари римлян, начиная от Ромула и еще раньше, от Энея, сына Анхиза, перечисляются до Анастасия и Юстина Старшего. Цари же персов, - я говорю о тех, которые царствовали после изгнания парфян, - противопологаемые друг другу, не разделяются подобным образом хронологическими датами. А это должно сделать. Я тщательным образом собрал о них то, что записано ими самими, и полагаю, что перечисление всех принесет большую пользу настоящей работе.

Сделаю это в дальнейшем, когда сочту необходимым, хотя предстоит дать голые перечисления многих имен, притом варварских, причем некоторые из них не совершили ничего, достойного упоминания. А в настоящее время скажу только одно ради ясности и запоминания, что в двадцать пятый год царствования Хосрова кончается триста девятнадцатый год [этого периода]. В то время велись войны в стране колхов и приключилась смерть Мермероя. Тогда же шел двадцать восьмой год управления римлянами императором Юстинианом.

28. Прежде чем перейти к дальнейшему, остановлюсь немного на Хосрове. Ибо его восхваляют и удивляются ему не по его заслугам не только персы, но даже некоторые и римляне, как любителю наук, достигшему вершин философии, причем эллинские произведения были ему переведены на персидский язык, и даже говорят, что он изучил Стагирита лучше, чем пеанийский оратор[49] сына Олора,[50] что он насыщен учениями Платона, сына Аристона, что от него не ускользнули ни Тимей, хотя последний весьма богат геометрическими теориями и исследует движения природы, ни Федон, ни Горгий и никакой другой из красивейших и труднейших диалогов, такой, скажем, как Парменид. Я, однако, отнюдь не считаю, что он получил такое прекрасное образование и даже достиг его вершины. Каким образом эта чистота старых имен, естественная грация, соответствующая и приспособленная к природе самих вещей, могла быть сохранена варварским и грубейшим языком? Каким образом человек, воспитанный с детских лет в царской гордыне и постоянной лести, ведя образ жизни самый варварский, стремящийся к воинам и сражениям, - каким образом, живя так, он мог добиться крупных и достойных упоминания успехов в науках и упражняться в них? Если кто его похвалит

за то, что, будучи царем и персом, имея заботу о стольких народах и делах, он все же стремился в некоторой степени вкусить научного знания и гордился этим, то за это я удостоил бы человека похвалы и предпочел бы прочим варва-

рам. Если же его называют весьма ученым и почти что превосходящим всех когда-либо занимавшихся философией и считают, что якобы он изучил начала и законы всех искусств и наук в таком размере, какой перипатетики определяют для образованнейших, то все думающие так весьма ошибаются, не заботясь об истине, а следуя только мнению толпы.

29. Был некий человек, сириец родом, по имени Ураний. Он бродил по столице, объявляя, что он занимается медицинским делом. Из аристотелевских же учений он основательно ничего не знал, а хвалился, что знает много кичась своим задором на собраниях. И часто, приходя к портикам дворца и сидя в книжных лавках, он спорил и величался перед собравшимися там и ведущими обычные споры о божестве, какова его природа и сущность, доступно ли оно страданиям, о неслиянии и тому подобном. Громадное большинство спорящих не очень усердно посещало грамматические школы и не отличалось безукоризненной жизнью; тем по менее [оно] считает легким и самым сподручным [делом] перепрыгнуть, так сказать, через порог и заниматься рассуждениями о божестве - предмете, столь недоступном и возвышенном, превышающем [разум] человека, о котором можно знать только одно то, что оно непознаваемо.

Поэтому они постоянно собираются вместе поздно вечером, после попойки и невоздержанности, и начинают разглагольствовать, как им заблагорассудится, о возвышенных и божественных предметах, всегда болтая одно и то же. Они не убеждают друг друга, упорно держатся своих мнений при всяких обстоятельствах, в споре злятся друг на друга, бросают друг другу открытые оскорбления, издавая отвратительные звуки, как играющие в кости. Так кончаются у них споры и они с трудом расходятся, не приобретя и не дав ничего полезного и становясь вместо друзей отъявленными врагами. Среди них первое место занимал этот Ураний, не переставая разглагольствовать и извергать брань, как Терсит у Гомера.[51] Хотя не было у него никаких прочных суждений о божестве, и он не знал, какие следует противопоставить в спорах аргументы, но он то возражал против первого тезиса спора, то вместо ответа задавал встречный вопрос о предмете спора, не позволяя, чтобы спор шел упорядоченно, но запутывал и ясное и добивался, чтобы истина не была найдена. Он желал поддержать так называемое скептическое учение, давать ответы по Пиррону и Сексту и, наконец, внести положение, что нельзя знать ничего достоверного.[52] Но и это учение он не усвоил должным образом, а только получил самое незначительное знакомство с ним, чтобы иметь возможность обманывать и водить за нос не получивших никакого образования. Будучи невежественным в науках, он еще более был невежествен в жизни. Придя в дома богачей и пожирая нещадно наиболее изысканные кушанья и часто общаясь с фириклийским кубком, произнося вследствие опьянения самые бесстыдные и непристойные слова, он вы-

зывает сильный смех, так что, случалось, и бывал бит по щекам; в лицо его бросались чаши и всякие смешанные остатки обеда. Он был общим посмешищем для пирующих, не меньшим, чем скоморохи и мимы.

И вот, будучи таким, Ураний явился как-то к персам, захваченный послом Арсовиндом. Будучи обманщиком, человеком, приспособляющимся к обстоятельствам и способным приписать себе несуществующие достоинства, он тотчас же облекся в достойнейшую одежду, которую у нас надевают ученые и учителя наук. Так, с торжественным и важным видом он появляется перед Хосровом. Тот, пораженный новизною зрелища и вообразив, что имеет дело с чем-то священным и что он на самом деле философ (ибо он так и назывался), принял его с радостью и благожелательностью. А затем, созвав магов, вступил с ним в собеседование о творении и природе, о том, является ли все существующее вечным и можно ли признавать единое начало всего существующего.

30. Ураний и тогда не сказал ничего дельного, не установил и единого начала. Одним только тем, что был быстр и весьма болтлив, как Сократ говорит в «Горгии», «сам ничего не зная среди ничего незнающих», одержал победу. Этот глупый шут так воздействовал на царя, что тот одарил его множеством денег и удостоил пить за его здоровье, пригласив к своему столу. Этого еще не случалось ни с кем другим и он часто клялся, что никогда не видел подобного мужа, хотя раньше он действительно видел самых лучших философов, пришедших отсюда к нему. Действительно, немного раньше этого Дамасский сириец, Симплиций киликийнин, Евлалий фригиец, Прискиан лидиец, Гермий и Диоген финикияне[53] представляли, выражаясь поэтическим языком, цвет и вершину всех занимающихся философией в наше время. Они не приняли господствовавшего у римлян учения о божестве и полагали, что персидское государство много лучше, будучи убеждены в том, что внушалось им многими, а именно, что там власть справедливее, такая, какую описывает Платон, когда философия и царство объединяются в одно целое, что подданные все без исключения разумны и честны, что там не бывает ни воров, ни грабителей и не претерпевают никакой другой несправедливости, так что если кто-нибудь оставил свое ценное имущество в самом пустынном месте, то его не возьмет никто, случившийся в том месте, но оно останется в целостности, если и не охранялось, для оставившего его, когда этот возвратится. Они были убеждены в этом, как в истине. К тому же им запрещено было и законами, как не принявшим установленных верований, оставаться в безопасности дома. Поэтому они немедленно собрались и отправились к чужим, живущим по совершенно другим обычаям, чтобы жить там в дальнейшем. Там все они скоро увидели, что начальствующие лица слишком горды, непомерно напыщены, почувствовали к ним отвращение и порицали их.

Затем увидели много воров и грабителей, из которых одних ловили, другие скрывались. Творились и всякие другие беззакония. Богатые притесняли убогих. В отношениях друг с другом [персы] обычно были жестоки и бесчеловеч-

ны, и, что бессмысленнее всего, они не воздерживались от прелюбодеяний, хотя позволено каждому иметь сколько угодно жен, и они действительно их имеют. По всем этим причинам философы были недовольны и винили себя за переселение.

31. Когда же переговоры с царем, то и тут обманулись в надежде, найдя человека, кичившегося знаниями философии, но о возвышенном ничего не слышавшего. Мнения их не совпадали. Он придерживался других [взглядов], о которых я уже упоминал. Не перенеся неистовств кровосмесительных связей, они вернулись как можно скорее, хотя он их почитал и приглашал остаться. Они же считали, что для них будет лучше, вступив в римские пределы немедленно, если так случится, умереть, чем [оставаясь там] удостоиться величайших почестей. Так, они все вернулись домой, сказав прощай гостеприимству варвара. Получили, однако, и пользу от пребывания вне отечества и [в деле] не кратковременном и малом, но благодаря этому вся их последующая жизнь протекла мирно и сообразно их желанию. Когда в это время римляне и персы заключили между собою договор о мире, то в условия мира было включено положение, что эти люди, по возвращении их к своим, должны жить в дальнейшем без всякой боязни и чтобы их не вынуждали изменять свои убеждения, принимать какие-либо верования, кроме тех, которые сами одобряют. Хосров оговорил, что мир будет иметь силу не иначе, как при этом условии. Говорят, что на обратном пути с ними приключилось нечто удивительное и достойное памяти. Ибо, когда они отдыхали в одной персидской местности, они заметили там труп человека, недавно умершего, брошенного непогребенным. Тогда они, возмущенные жестокостью варварского обычая и считая непристойным видеть так оскорбляемую природу, при помощи своих слуг покрыли, как могли, труп и погребли, предав земле. Когда в эту ночь все заснули, одному из них (я не могу назвать его имя) снилось, что он видит старого человека, совершенно неизвестного и которого нельзя было узнать, но почтенного и достойного уважения, напоминающего философа видом своей одежды и длинной свисающей вниз бородой, который выкрикнул ему, как бы приказывая и увещевая, следующее изречение: «Не погребай того, кто не подлежит погребению. Не препятствуй, чтобы труп сделался пищей собак. Мать всех - земля - не принимает человека, насилувавшего свою мать». Он, быстро пробудившись от страха, рассказал о сновидении прочим. Они же вначале недоумевали, что означает этот сон. Когда, поднявшись рано утром, они продолжали намеченный путь, проходя ту местность, - так требовало местоположение, - где они наскоро совершили погребение, они увидели обнаженного мертвеца, снова лежащего на поверхности, как будто земля его каким-то образом автоматически выбросила на поверхность и не позволила схоронить его растерзанным. Пораженные необычным зрелищем, не делая уже никаких попыток применять свои обычаи, они обдумали сон и истолковали в том смысле, что персы несут наказание и мучение оставаться непогребенными и по заслугам быть растерзанными собаками за невоздержанность по отношению к матерям.

32. Ознакомившись с этими людьми, Хосров все же еще больше полюбил Урания и нуждался в нем. Причина же этого, как я думаю, коренится в свойствах человеческого рода. Тех, кто к нам ближе подходит и походит на нас, мы привыкли считать друзьями и наилучшими людьми, а превосходящих нас чуждаться и отвращаться от них. Поэтому, когда тот возвратился сюда, [царь] дал ему дружественные письма, величая своим наставником. Тот и раньше был невыносим, теперь же он был опьянен воспоминанием о дружбе царя: на всех пирушках и собраниях он надоедал всем, не желая петь никакой другой песни, кроме как о почтении, которым удостоил его Хосров, и о тех разговорах, которые они вели. И этот «благородный» человек вернулся еще более глупым, чем был раньше, как будто ради этого он проделал такой длинный путь. И хотя на деле он был человеком самым пустым и достойным посмеяния, однако тем, что варвар его часто прославлял и хвалил, он внедрял у многих глубокое убеждение в своей выдающейся учености. Те, кто воспринимает все легкомысленно, не вникая, кто хвалит, кого хвалит и за что, и прислушивается жадными ушами к незнакомым вещам и нелепым рассказам, легко верят им, особенно если они сообщаются с важностью и апломбом. Можно по справедливости удивляться Хосрову за его подготовку войск, хорошее управление ими и в особенности за постоянный боевой труд, так как он не отступал ни перед какими трудностями, ни перед старческой слабостью. В науках же и философии он должен быть признаваем таким, каким по справедливости является объявляющий себя товарищем и учеником этого Урания.

>>далее>>